

Столик на одного

По главной улице города медленно двигался черный «Бентли». На заднем сиденье любопытный прохожий мог бы разглядеть лицо Валентины Петровны. А на лице — опущенные уголки ее губ. У Валентины Петровны давно были опущены уголки губ. И никто не знал почему.

Далее пытливый прохожий увидел бы на носу очки с сияющими камушками в оправе. Эти очки были настолько дорогие, что даже непонятно, почему уголки ее губ были опущены. Если твои очки стоят 10 тысяч долларов, разве ты не должен все время улыбаться?

Но если бы мы с вами продолжили изучать владелицу носа, губ и очков, то обнаружили бы, что вид у нее крайне недовольный. Это было перекошенное лицо человека с артрозом челюсти. Но дело в том, что у Валентины Петровны не было артроза — недовольство было ее естественным состоянием. Валентина Петровна не изменяла себе: каждое утро вот уже восемь лет она проезжала мимо кофейни Swans, откуда водитель приносил ей утренний кофе. Любой другой человек, который каждое утро заезжает в одну кофейню, давно назвал бы ее любимой. Но не Валентина Петровна. У нее просто... не было ничего любимого. Она не говорила: «Это мой любимый фильм», она могла сказать: «Это фильм, который

я смотрю уже восемнадцатый раз». Она не говорила: «Это мой любимый город». Любимых городов у нее вообще не было. Города были «красивые» и «некрасивые».

Она не говорила: «Это мой любимый костюм». Нет, костюмы, по ее мнению, были «дорогие, дешевые, деловые, твидовые, итальянские, скучные». Но «любимые» — никогда.

Когда «Бентли» подъехал к кофейне, водитель отправился за кофе, а Валентина Петровна начала разглядывать двух парней, которые сидели за столом на веранде и что-то обсуждали. Лицо Валентины Петровны оставалось довольным ровно пару секунд.

Вдруг рука одного парня несмело легла на колено другого. Они стыдливо оглянулись, резко наклонились лицом к лицу и прикоснулись губами. Затем так же резко выпрямились и еще раз посмотрели, не заметил ли их кто.

Валентина Петровна, глядя на это через окно, вдруг скрючила такую гримасу, будто увидела, как где-то линчуют младенца.

— Фу, какая мерзость! — сказала она. И потом повторила: — Какая же мерзость. — Она провела рукой по юбке от итальянского бренда, которая стоила как годовая зарплата официанта Swans. — Если бы не моя дорогая одежда, меня бы стошнило, — сказала вслух Валентина Петровна, продолжая поглаживать юбку небесно-голубого цвета. Видимо, ее это успокаивало.

Вернулся водитель и безэмоционально протянул ей кофе. Он знал, что Валентину Петровну может раздражать хорошее настроение, поэтому предпочитал молчать. За восемь лет он ни разу не видел ее улыбающейся.

— Владимир, я же просила крышку другого цвета. Неужели это так сложно запомнить? Мне не нравится черная.

У них есть коралловые крышки, — сказала недовольно Валентина Петровна.

Владимир выпрямился и проямил:

— Извините, завтра исправлюсь. — И они поехали дальше.

У вас, мой дорогой читатель, конечно, уже сложилось определенное мнение о Валентине Петровне. Вы наверняка подумали, что наша героиня вздорная и недовольная дама, которая почему-то нетерпимо относится к однополым парам.

И вы, в зависимости от своих взглядов, уже могли ее мысленно осудить или поддержать. Ваш автор чрезвычайно лоялен ко многим вещам, поэтому он не осмелится осудить Валентину Петровну. Каждый из нас имеет право относиться к этому миру так, как считает нужным. Ну не любит человек гомосексуалистов — что теперь, убивать его, что ли, за это? Имеет право на свою позицию.

В это время черный «Бентли» остановился на светофоре. Валентина Петровна сделала глоток американо и посмотрела в окно.

На другой стороне улицы она увидела парочку на скамейке. Это были парень с девушкой лет двадцати. Парень расслабленно сидел, а девушка лежала у него на коленях. Одна его рука пристроилась на ее животе, а другой рукой он нежно водил по подбородку девушки. Они о чем-то беззаботно говорили. Девушка смеялась, и ее кудрявые волосы разметались по коленям парня. В какой-то момент она поймала руку паренька и прислонила костяшки его руки к своим губам. Он молчал и смотрел, как она по очереди целует каждый его палец.

Валентина Петровна наблюдала за ними секунд двадцать. В это время уголки ее губ опускались все ниже, в правом глазу начал дергаться кровеносный сосуд,

а потом она сказала вслух: «Кошмар. Это просто недопустимо. Я не могу смотреть на эту мерзость. С этим надо что-то срочно делать. Владимир, ты что стоишь? Поехали отсюда скорее!»

Они проехали перекресток, а Валентина Петровна снова поглаживала свою юбку и понимала, что только эта юбка заставляет ее сдержаться, когда она видит такие безумные акты на улице. «Как их только носит белый свет? Творить такое непотребство прямо на улице? Почему они не думают, что другим может быть неприятно смотреть на их отношения? Вот на эти лобызания бесконечные?» — возмущалась внутри себя Валентина Петровна.

М-да, пожалуй, вы уже поняли, что Валентина Петровна вовсе не была гомофобом. Совсем нет. Валентина Петровна одинаково ненавидела всех людей, которые не сдерживают порывы нежности в общественных местах. И неважно, какой они были сексуальной ориентации: гетеросексуалы, гомосексуалы, пансексуалы и далее по списку.

Ненавидеть сразу всех — это очень удобно. Ведь когда ты нетерпим только к одной группе людей, то это энергозатратно: тебе постоянно нужно сосредотачиваться на чем-то одном. А когда ты ненавидишь всех, то тебе не надо разбираться.

Так было у Валентины Петровны: если ты человек и если у тебя есть пара, то она тебя автоматически ненавидела.

За последние восемь лет ситуация усугубилась: она вообще не могла смотреть спокойно, как два человека демонстрировали свои чувства. Ее начинало выворачивать и трясло. Когда два человеческих существа проявляли теплоту друг к другу, ей становилось как-то вязко на душе. Знаете такое состояние, когда тебе «вязко»? Представьте: вот-вот должен пойти дождь, а он никак не начинается.

С душой бывает то же самое: вроде сейчас пойдет дождь, но ты зависаешь в этом вязком состоянии и не можешь сдвинуться с места. У Валентины Петровны на душе тоже сначала было вязко, потом накопилось больше раздражения от таких пар, потом появилась агрессия и вот, наконец, началась лютая ненависть.

В это время черный «Бентли» подъехал к невысокому зданию. Остановился возле входа. Водитель открыл дверь и подал руку Валентине Петровне. Она ступила на асфальт, коснулась своих очков и еще сильнее насадила их на переносицу. Потом недовольно поджала свои и так тонкие губы, взяла сумочку и направилась ко входу. Над входом было написано большими буквами VP Fashion. Валентина Петровна вошла в здание. Две девушки на ресепшене, которые до этого мило разговаривали, быстро встали со своих мест и прощептались: «Доброе утро, Валентина Петровна!»

Та кивнула им в ответ, молча поднялась на второй этаж, где располагался гигантский open space. Прошла мимо работающих сотрудников, не повернув голову в их сторону, цокая каблучками.

Все уже привыкли к ее особенностям. Никто из них не знал, что произошло в жизни нашей героини восемь лет назад и почему она с тех пор не улыбалась.

Она дошла до кабинета, на котором было написано «Валентина Самоедова. Президент VP Fashion». VP Fashion была огромной корпорацией, которая объединяла всю модную индустрию страны. Прибыли компании были ошеломляющими благодаря чутью и фанатичности нашей героини.

Валентина Петровна прошла внутрь и села на диван. Чувство гадливости не покидало ее. «С этим надо что-то срочно делать. Это уже невозможно, это переходит все

границы», — повторяла она. И, нажав на кнопку, вызвала секретаря. Через тридцать секунд в ее кабинет несмело постучались, а потом из-за двери появилось маленькое женское туловище в сером пиджаке и серой юбке.

Волосы у вошедшей были зализаны в маленький хилый пучок. Туловище спросило:

— Валентина Петровна, вызывали?

— Да, Елена, соберите срочно всех топ-менеджеров компании. И вызовите нашего инвестора, Алексея Викторовича. Попросите его приехать. Мы запускаем новый проект.

— Хорошо, Валентина Петровна, — сказала туловище и суетливо скрылось за дверью.

Уже через час в большом кабинете для совещаний собрались все главы подразделений и топ-менеджеры. У окна стоял Алексей Викторович, главный инвестор VP Fashion. Они познакомились с Валентиной Петровной несколько лет назад. Он тогда заработал кучу денег на природных ресурсах, не задумываясь о высоком, и хотел вложить их в прибыльный стартап. Благодаря VP Fashion он сорвал джекпот: его инвестиции выросли тысячекратно. Он уже давно ничего не инвестировал в компанию, а только получал свои проценты. Он знал, что без Валентины Петровны этого бы не случилось.

— Коллеги, — начала Валентина Петровна. — VP Fashion уже много лет лидер на рынке нашей страны. Мы поставляем одежду для всех крупных магазинов. Но нам необходимо расти. Чтобы укрепить позиции бренда, я хочу создать фонд. Алексей Викторович, я приняла решение вложить часть прибыли в новый проект. Сейчас я вам его представляю.

Алексей Викторович присел на стул возле нашей героини.

— Да, Валентина Петровна? Я заинтригован, — сказал Алексей Викторович, расстегивая пуговицу на своем пиджаке. В последние месяцы Алексей Викторович набрал пару лишних килограммов после развода, поэтому все пиджаки стали ему малы.

— Новый проект — это фонд, который будет лоббировать гражданские инициативы. Компания приносит много денег. Пришло время приобретать влияние, чтобы поменять некоторые вещи в стране.

— Власть всегда приятнее, чем деньги, — вставил Алексей Викторович, расстегивая вторую пуговицу на пиджаке. Он и сам давно задумывался, что в его возрасте уже неприлично быть просто богатым. Нужно иметь еще и власть. — А чем будет заниматься фонд?

— Нас ждет много интересного, Алексей Викторович. Мы станем инициаторами глобальных перемен в нашей стране. О нас будут говорить. И благодаря этому у нас будет больше партнеров и соратников.

— Да, это хорошая мысль. И какая же будет первая инициатива?

— Она коснется самой важной сферы всех людей. Сферы отношений. Мы выдвинем инициативу об оскорблении чувств... одиноких людей.

Алексей Викторович даже закашлял.

— Простите, Валентина Петровна? Одиноких людей?

Люди в кабинете зашущукались. Поднялся тихий гул. Валентина Петровна окинула всех стальным взглядом, и шум затих.

— Да, вы меня правильно услышали, Алексей Викторович. Наша страна очень большая. И в ней много как семейных, так и одиноких. У нас много законов, которые направлены на защиту и поддержку семей. Но кто позаботится об одиноких людях? Это люди, у которых по раз-

ным причинам нет пары. И эти люди каждый день, каждую секунду подвергаются ущемлению. Они тоже должны получить защиту.

Алексей Викторович начал расстегивать верхнюю пуговицу на своей белоснежной рубашке и снова покашливать.

— А какого рода ущемления вы имеете в виду?

— Вы видели, что творится на улицах? Люди, которые находятся в паре, не стесняясь, у всех на виду целуются, обнимаются, держатся за руки. Сегодня, пока я ехала на работу, видела две пары, которые занимались этим прямо на улице. Это бесстыдство. Боюсь представить, что происходит в автобусах и метро, если даже на улице такой бардак. Вы только представьте себе чувства одиночек, когда они видят подобное? Знаете, как это называется? Это называется пропаганда отношений. Почему у нас нет закона о пропаганде любых видов отношений? По-моему, это зрело и логично. Почему одинокие люди должны подвергаться пропаганде отношений? Такое в нашем демократическом обществе недопустимо. Вот поэтому мы создадим фонд и будем лоббировать эту инициативу.

— Слушайте, Валентина Петровна, идея с фондом, конечно, хорошая. Но что касается одиночек, то кто-то выбирает быть в отношениях, кто-то выбирает быть вне отношений. Это право человека: быть одному или быть в паре. Сейчас, знаете, есть даже полиаморы. Ну это когда, например, один мужчина и две женщины живут вместе. И они любят друг друга.

— Алексей Викторович, ну давайте не будем это называть полиаморией. Это просто мужчина, который хорошо устроился.

— Но постойте, Валентина Петровна, почему люди, которые хотят, скажем, приобнять дорогого человека на улице, должны страдать из-за того, что кто-то выбрал

не строить отношений? У нас же свободная страна. Никому не запрещено ни быть одинокими, ни семейными.

— Алексей Викторович, пусть целуются и обнимаются дома. Знаете, как любят говорить: «Чем вы занимаетесь за закрытой дверью своей спальни — меня не тревожит». Пусть хоть оближут друг друга с ног до головы — мы в это вмешиваться на будем. Если, конечно, они задернут шторы.

— Валентина Петровна, неужели это такая серьезная проблема?

— Очень серьезная! Вы только подумайте: открываешь ленту «Фейсбука», а там сплошные фотографии в обнимку и вот это хвастовство: «Я и мой котик». Заходишь в «Инстаграм», а там скандал на скандале, кто с кем спит и кто с кем встречается. В рекламе, книгах, фильмах — вечные эти слюнявые парочки. Бесконечная пропаганда парности.

— Ну и что? Ведь люди делятся своим счастьем, созданием ячейки общества, так сказать.

— Они не делятся своим счастьем, Алексей Викторович. Они им прессуют. Они его навязывают всем остальным. Это жесткая, непримиримая пропаганда. Тьфу! А одинокие люди страдают. Они смотрят на это и испытывают злость, разочарование, ущербность. Они чувствуют себя инвалидами.

— И инвалидов сюда приплели! А инвалиды-то тут при чем?

— Очень даже при чем! Представьте, вот у вас, например, нет ног. Вы заходите в соцсети, а там ваш одноклассник выкладывает фотографию с подписью «Как прекрасно иметь ноги!». А потом вы спускаетесь в метро на коляске, катитесь по пандусу, руки потеют, колеса проскальзывают, вам жутко неудобно. Еще и нос чешется, а почесать не получается. Заезжаете в вагон весь в поту. А напротив вас стоит такой амбал двухметровый со своим другом.

И начинает вдруг другу говорить: «Сегодня был в фитнес-клубе. Сделал десять подходов на ноги. Смотри теперь, какой у меня квадрицепс». А друг ему отвечает: «Да, ноги у тебя мощные».

А потом вы заходите в «Инстаграм», а там в ленте одни фотографии ног на море. Ну такие, как две сосисочки. Понимаете, как это неприятно, если у вас ног нет? Это же трагедия! Это же прямое сообщение всем безногим: «Ты неудачник!»

В кабинете повисла мертвая тишина. Недоумение отпечаталось на лицах присутствующих. Алексей Викторович, продолжая расстегивать пуговицы на своей рубашке, решил предпринять последнюю попытку.

— Ну хорошо, но ведь одинокие люди бывают разные. Вы говорите о тех, кто никак не может построить отношения. И переживает из-за этого. Но ведь много и других — тех, кто просто не хочет быть в них. Может, человек одинок по собственному желанию, так сказать. Мы вот с моей благоверной недавно развелись. И чувствую я себя теперь намного лучше, так сказать.

— Вы, Алексей Викторович, — это другое. А есть и те, кто просто не может найти пару! Это же самые незащищенные люди. Кто позаботится о них? Им же никуда не скрыться от внешнего мира. А потом они приходят домой, плачут, смотрят фильм про несчастную любовь и хотят повеситься. А представьте, если человек вовсе не выбирал быть одиноким, а, например, потерял близкого человека. И теперь не может никого полюбить и страдает. А ему изо всех щелей пихают вот эти поцелуи и показывают, как они счастливы. Как тут не повеситься?

— Ой, ну Валентина Петровна, вот уж я и не думал, что вы так завернете. Связали отсутствие отношений и суицид.

— Алексей Викторович, если вам не хватает доводов, то вот еще один. В Сеуле есть мост, с которого обычно прыгают суицидники. И вот там развесили фотографии счастливых семей, парочек, детей. Якобы это должно мотивировать тех, кто хотел спрыгнуть, сохранить себе жизнь. И что вы думаете? Суицидов стало еще больше! Нехорошо это. У тебя депрессия — а тебе со всех сторон своим счастьем тычут. Тут и повеситься недолго. Мои аргументы более чем здравые.

— Ой... Неожиданно, конечно.

Алексей Викторович уже расстегнул все пуговицы, которые позволяли правила приличия, и устоялся в окно. В полной тишине он завис на пару минут. В его кармане завибрировал телефон. Он достал его и бросил взгляд на экран. Это было push-уведомление от приложения для знакомств: «Не смогли найти пару? Не беда! Попробуйте премиум-формат».

Алексей Викторович фыркнул. Повернулся к Валентине Петровне и сказал:

— Ну, хорошо. Убедили. Готовьте свою инициативу.

— Спасибо, что поддержали эту важнейшую инициативу, которая сделает наше общество по-настоящему свободным. Коллеги, всем спасибо. Готовим фонд к запуску!

Все молча вышли из переговорного зала и отправились на свои места.

Валентина Петровна вернулась в кабинет, закрыла дверь, скинула туфли и подошла к большому столу из красного дерева. Она открыла верхний ящик и долго смотрела на предмет, который там лежал. Потом достала его. Это была фотография. На ней были изображены две фигуры — мужчины и женщины, которые стоят в обнимку напротив Колизея. Девушка с приподнятыми уголками губ и улыбающийся мужчина. Сзади была подпись «Вале от Коли».

Валентина Петровна погладила фотографию и обратилась к человеку на ней: «Ну вот, Коленька, надеюсь, тебе там хорошо и ты там улыбаешься, потому что я с того дня совсем перестала. Сегодня тебя нет уже восемь лет. До сих пор жалею, что сама тогда не села за руль. Может, все было бы по-другому.

У меня все хорошо. Пью кофе в Swans каждый день. Помнишь год, когда мы завтракали там каждое утро? И ты всегда просил двойную порцию сметаны к сырникам. А я все боялась, что у тебя подскочит холестерин.

Я тебе говорила, что у меня все хорошо? А сегодня я сделала кое-что важное для нас с тобой. А точнее, для меня без тебя».

В дверь несмело постучали. Валентина Петровна положила фотокарточку на место и закрыла ящик.

— Войдите, — сказала она.

В проеме снова появилось туловище в сером костюме.

— Валентина Петровна, я составила черновой вариант вашей инициативы. Посмотрите?

Валентина Петровна откинулась на кресле.

— Да, Елена, оставьте. И позвоните в Swans. Забронируйте столик на одного. Сегодня у меня есть что отметить.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

